речевых культур употребляют ритуальные фразы, тем самым желая в загробном мире человеку всего наилучшего, а также передавая память о предках из поколения в поколение.

Примечательно, что благопожелания в русском и табасаранском языках многочисленнее, богаче и наиболее употребительны, нежели в русской и английской лингвокультурах. Также интересен тот факт, что в отличие от русских и английских традиционных форм речи, в табасаранских благопожеланиях указанные речевые формулы не прямо выражают пожелания, а иносказательно.

1. Гасанова С.М., Гасанова М.А. Лингвокультурологический анализ агульских проклятий и благопожеланий // Культура и цивилизация. – 2016. – Том 6. – № 6А. – С. 350-359.
2. Генко А.Н. Русско-табасаранский словарь. – М., 2005. – 330 с.
3. Халимбекова М.К. Гендерно-ориентированные благопожелания, обслуживающие речевой этикет (на материале лезгинского и английского языков) // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9-11. – С. 2576-2579.

Опарина К.С.

Лексико-семантическое поле «власть» в драматической поэме Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский»

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»
(Россия, Самара)*

doi: 10.18411/lj-05-2020-170

ids: ljjournal-05-2020-170

Аннотация

Данная статья посвящена анализу содержания и структуры лексико-семантического поля, которое рассматривается как средство языковой репрезентации авторской эстетической концепции в художественном тексте. В практической части исследования анализируются конstituенты лексико-семантического поля «власть» на примере произведения Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский».

Ключевые слова: художественный текст, автор, лексико-семантическое поле, лексическая единица, немецкая литература

Abstract

This article deals with the analysis of content and structure of lexical-semantic field, that is considered as a mean of linguistic representation of the auctorial aesthetic concept in a literary text. Constituents of the lexical-semantic field «power» are analyzed in the practical part of research the case of F. Schiller's text «Don Karlos, Infant von Spanien».

Keywords: literary text, author, lexical-semantic field, lexical item, German literature

Теория поля в лингвистике берет свое начало в системном подходе к изучению языка (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, Э. Бенвенист и др.). В дальнейшем полевой подход к пониманию сущности языковых явлений активно разрабатывался как отечественными, так и зарубежными лингвистами (Л. Вайсгербер, Г. Ипсен, О. Духачек, Э. Косериу, Й. Трир, В.Г. Адмони, Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс, Г.С. Щур и др.). Традиционно различают парадигматические, синтагматические и смешанные поля. При этом в основе данной классификации лежит принцип образования поля (совокупность различных парадигм, реализация в конкретных видах синтагм и общая функция соответственно). Лексико-семантическое поле (ЛСП) чаще всего может быть образовано как парадигматическое.

В данном исследовании мы понимаем ЛСП как семантическую совокупность однородных и разнородных элементов, объединенных между собой в системные отношения. В структуре ЛСП выделяются ядро и периферийные компоненты (микрополя) [5, с. 22].

В практической части настоящего исследования мы предпринимаем попытку реконструировать ЛСП «власть» на материале драматической поэмы Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский». Выбор произведения отнюдь не случаен, так как роль великого классика в становлении лексической системы немецкого языка трудно преувеличить. В своих произведениях Ф. Шиллер затрагивал самые животрепещущие проблемы человека и общества, одной из которых является проблема власти и ее влияние на судьбы людей и государства. Необходимо сравнить понимание власти, закрепившееся в узусе немецкого языка XVIII в., и индивидуально-авторскую концепцию Ф. Шиллера, выраженную в его произведении. В словаре Г. Пауля дается определение лексем 'Gewalt' и 'Macht', близкое к эпохе 18 века:

Macht, ahd. mhd. Maht, gemeingermanisches Wort zu mögen (got magan). Pl. Mächte, früher auch zuweilen Machten, noch bei Goethe einmal mit Machten, noch jetzt Vollmachten, Ohnmachten.

a) Es schließt sich an die Grbd. von mögen. Am engsten ist der Anschluß in *mit aller M., ähnlich aus der ganzen M., veraltet über M.= über Vermögen*.

b) Nicht mehr üblich ist M. mit spezieller Beziehung auf die eigene Körperstärke. Gewöhnlich bezieht es sich auf die sonst jemandem zu Gebote stehenden Mittel, wird auch auf Nichtpersönliches bezogen: *M. des Sturmes, M. der Liebe*. Es ist teils relativ (groß-geringere M.), teils absolut (=große M.), namentlich in *mit M.*

c) M. wird auch speziell für die jemandem zur Verfügung stehenden Truppenmassen gebraucht.

d) Ferner kann auch der Träger der M. selbst als M. bezeichnet werden; poetisch. Dagegen als Kollektivbezeichnung gehört M. der allgemeinen Sprache an. [3, с. 386].

Gewalt ahd. giwalt, zu walten, f.

a) Es ist zunächst die Fähigkeit oder Befugnis, nach Willkür mit etwas zu verfahren. Wie *Macht* wird es zuweilen für das Wesen gebraucht, an dem die Gewalt haftet.

b) Häufig liegt in G. die Vorstellung des Zwanges: *er musste mit Gewalt dazu gebracht werden*.

c) Endlich erscheint G. auf Vorgänge und Zustände bezogen und dient als Bezeichnung eines hohen Grades derselben: *G. des Windes, der Leidenschaft*. [3, с. 243].

Таким образом, можно сделать вывод, что в словаре власть понимается, с одной стороны, как нечто, обладающее несокрушимой силой, а, с другой стороны, как чья-то злая воля, направленная на подчинение объекта.

В ходе анализа текста драмы выяснилось, что для выражения концепта власти автор использует сравнительно небольшое количество лексических единиц, которые можно разделить на 2 группы:

1) лексемы, являющиеся непосредственными синонимами основных понятий 'Gewalt' и 'Macht' (согласно тематическому словарю Дорнзайф), а именно: 'Gesetz', 'Befehl', 'Kraft';

2) контекстуальные синонимы, под которыми в данной работе понимаются лексические единицы, которые являются контекстуальными синонимами для ключевых понятий 'Gewalt' и 'Macht', но именно с их помощью Ф. Шиллер раскрывает свое понимание власти: 'Monarch', 'Monarchen', 'Monarchien' [1].

Рассмотрим первую группу. Было установлено, что лексическая единица 'Gewalt' встречается в тексте драмы в общей сложности 7 раз, но его основное словарное значение актуализируется в тексте драмы только 1 раз. Чаще всего употребляются лексемы 'Monarch'-17 раз, 'Befehl'- 9 раз и 'Zwang' - 7 раз. А слово

‘Macht’ в его основном значении не встречается ни разу, за исключением устойчивого словосочетания *in jmds Macht stehen*.

В 4 акте маркиз Поза рассуждает о сильной любви Карлоса к Елизавете Валуа и говорит, что он упустил то благоприятное время, когда он мог подавить эту любовь в зародыше, чтобы не причинять обоим влюбленным лишних страданий:

«*Marquis: Damals stand es in meiner Macht, sie (Liebe) zu bekämpfen*» [4, S. 280].

В первый раз слово ‘Gewalt’ встречается в тексте драмы в первом акте в реплике маркиза Поза:

«*Marquis: Gewalt ist für den Schwachen jederzeit eine Riese*» [4, S. 33]

В своем коротком монологе маркиз одушевляет понятие ‘Gewalt’, сравнивая его с живым сказочным существом. Маркиз утверждает, что насилие для слабого всегда будет великаном, которого невозможно победить. В данном контексте реализуется значение лексемы ‘Gewalt’ как «*unrechtmäßiges Vorgehen, wodurch jmd. zu etw. gezwungen wird*» [2, S. 688].

Кроме того, выбор лексических средств зависит так же от того, является ли герой сторонником или противником власти. Так, например, испанская королева оказалась слишком слаба, чтобы противостоять деспотичной воле своего мужа:

«*Königin: Was von meinem Herrn, dem König kommt, Werd’ ich als Gesetz verehren...*» [4, S. 232].

В данном контексте лексема ‘Gesetz’ реализуется как олицетворение единоличной воли короля, которую нужно принять не просто как юридический закон, а как неоспоримую истину, которой нужно безоговорочно подчиниться.

Согласно словарю Дорнзайф синонимом лексической единицы ‘Gesetz’ является так же слово *Befehl*. В эпоху Филиппа Второго, в 16 веке, последнее понятие было распространено гораздо шире, чем первое, так как любой человек, наделенный хотя бы небольшой властью, мог отдавать приказы, а законы, как важнейшая часть правового государства, не были разработаны вообще. Законом в ту эпоху являлась воля короля. Но Ф. Шиллер употребил именно лексическую единицу ‘Gesetz’, так как он хотел подчеркнуть тот факт, что приказ можно не исполнить при тех или иных обстоятельствах, а нарушение закона карается жестоко. Однако, когда королеву заподозрили в получении запрещенных писем со своей родины, она прибегает как к средству спасения к своему благородному происхождению:

«*Königin: Gibt’ ein Gesetz in diesem Königreich, Das vor Gericht Monarchentöchter fordert?*» [4, S. 215]. Здесь лексема ‘Gesetz’ реализуется уже как нечто неприятное, грозящее лично королеве, которому она подчиняться не собирается. Здесь закон выступает уже не как высшая воля.

Лексема ‘Befehl’ реализуется в тексте драмы в своем основном значении, как приказание, приказ, повеление.

«*Carlos: Doch aber ist es auf Befehl des Königs, Dass ich mich hier befinde?*» [4, S. 302]. Здесь нет каких-либо дополнительных коннотаций. Приказ и повеление были единственно возможной для монарха формой общения со своими подданными.

Следующим синонимом лексических единиц ‘Gewalt’ и ‘Macht’ является лексема ‘Kraft’. Показательными для понимания феномена власти Ф. Шиллером являются два небольших контекста, в которых актуализируется совершенно разные значения этих понятий:

«*Königin: Nicht eher, mein Gemahl, Bis Sie durch ein Versprechen sich gebunden, Kraft Ihres königlichen Arms zu meiner Genugtuung den Täter mir zu stellen, Wo nicht, von einem Hofstaat mich zu trennen, Der meinen Dieb verbirgt*» [4, S. 231].

В первом случае лексема *Kraft* реализуется как полный синоним понятия *Gewalt*, а именно как «*Macht, Befugnis, das Recht u. die Mittel, über etw. zu bestimmen, zu herrschen*» [2, S. 688].

То есть королева просит короля выдать ей ее обидчика с повинной, но в то же время это проявление власти может оказаться несправедливым, потому что подозреваемый в краже может быть и невиновным. В этом случае сила превратится в насилие и таким образом реализуется значение «*unrechtmäßiges Vorgehen, wodurch jmd. zu etw. gezwungen wird*» [2, S. 688].

Важную роль для вербализации концепта играет также лексическая единица *Kraft*:

«*Alba: Diesen Briefen endlich folgt Ein ausgeführter Plan des ganzen Krieges, Der von der span'schen Monarchie auf immer Die Niederlande trennen soll. Nichts, nichts Ist übersehen, Kraft und Widerstand Berechnet, alle Quellen, alle Kräfte Des Landes pünktlich angegeben...*» [4, S. 331]. Во втором случае ‘*Kraft*’ означает именно определенное количество вооруженных людей, оружие и боеприпасы, то есть реализуется узкоспецифическое значение этого понятия. Примечательно, что Ф. Шиллер в одном небольшом отрывке текста употребляет лексему ‘*Kraft*’ в единственном и множественном числе, в то время как в русском языке это слово употребляется в данном контексте только во множественном числе: «вооруженные силы».

Перейдем к рассмотрению второй группы лексем, с помощью которых вербализуется концепт «власть», а именно: ‘*Monarch*’, ‘*Monarchen*’, ‘*Monarchie*’.

«*Marquis: Ich liebe die Menschheit und in Monarchien darf Ich niemand lieben als mich selbst*» [4, S. 187].

‘*Menschheit*’ и ‘*Monarchien*’ олицетворяются и рассматриваются автором как двое противопоставленных глобальных областей мироздания, которые находятся в вечной борьбе друг с другом.

«*Alba: Viewiel leichter Die Sache sei, Monarchen fortzupflanzen, Als Monarchien, viewiel schneller man Die Welt mit einem Könige versorgen, Als Könige mit einer Welt*» [4, S. 192].

В данном контексте Ф. Шиллер употребляет два синонима для обозначения правителя: ‘*Monarch*’ и ‘*König*’. Монарх более широкое понятие, обозначающее единоличного главу государства, получающего власть, как правило, в порядке наследования. А король – это глава королевства. Ф. Шиллер выражает в данном контексте мысль о том, что миру и человечеству не нужно так много правителей. Каждый стремится захватить власть, но истинный монарх должен думать в первую очередь о благе и процветании своих подданных.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что проблема выражения авторского замысла в языке художественной литературы остается одним из ведущих направлений исследований в рамках когнитивной лингвистики. При этом проблема структурирования и систематизации репрезентантов эстетической концепции писателя до сих пор остается нерешенной. Не вызывает сомнения тот факт, что полевый подход к изучению художественных текстов открывает исследователям обширные перспективы исследования.

1. Dornseiff Franz. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. - Berlin-New-York: Walter-de-Gruyter, 1970. – 922 S.
2. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. - Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2006. – 2016 S.
3. Paul H. Deutsches Wörterbuch. - Halle (Saale): Veb-Max-Niemeyer-Verlag, 1961. – 782 S.
4. Schiller F. Don Karlos. Infant von Spanien. Ein dramatisches Gedicht. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1981. – 221 S.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. - Воронеж: Истоки, 2003. – 192 с.